

Злобные умыслы

Отец Норльсена, Генри, пошел абсолютно на всё, лишь бы поскорее избавиться от Селины. Он обвинил королеву Селину в измене перед религиозным судом и прямо на заседании во все услышанье заявил, что еще в момент их вступления в брак Селина уже была женщиной, потерявшей невинность.

Двадцать лет брака не пробудили в Генри ни капли жалости к Селине. Он стоял на стороне обвинения, высоко задрал голову, и видом напоминал победоносного петуха.

Ци Вэйлен и Амос сидели на местах для слушателей, наблюдая за этим фарсом. Ци Вэйлен чувствовал, как в его сердце поднимается непреодолимое, тяжелое отвращение к этому человеку, приходящемуся ему отцом лишь по имени. Глядя на то, как Селина держит спину прямо, сохраняя гордое достоинство, он испытал странную, щемящую боль в груди.

— С божьей помощью, — Селина совершенно не ожидала, что ее муж окажется настолько бесстыдным ради того, чтобы избавиться от нее. На ее щеках от гнева проступил легкий румянец, а губы едва заметно дрожали. — Клянусь именем Господа, до брака с королем я была чиста...

Затем Селина с раздирающим сердце трепетом поведала историю их с Генри брака: с их знакомства, зарождения любви и свадьбы — и вплоть до сегодняшнего дня, спустя двадцать лет.

Ци Вэйлен слушал молча, но против воли сжал в кулак край своей одежды. Приходилось признать: рассказ Селины звучал невероятно трогательно. В ее голосе не слышалось откровенного отчаяния, но сквозила пронзительная, разбивающая сердце горечь. В каждой описанной ею детали ясно чувствовалось, насколько сильно Селина дорожила этим браком и как глубоко ее ранили предательство Генри, его безразличие и крушение всех надежд.

На скамьях для слушателей то тут, то там послышались тихие всхлипывания: судя по всему, некоторые знатные дамы не вынесли столь скорбного зрелища и прослезились.

К несчастью, отец Ци Вэйлена явно не принял слова королевы близко к сердцу. Он упорствовал в своей лжи и упрямо добивался лишения Селины титула королевы.

— Не переживай, — тихо прошептал Амос на ухо Ци Вэйлену. — Всё будет хорошо... Папа Римский непременно встанет на сторону твоей матери.

Разумеется, я и сам это знаю. Ци Вэйлен ничего не ответил Амосу. Внимая утешениям, он не чувствовал, как боль в его груди хоть немного утихает. Селина была ревностной католичкой, и Папа Римский, разумеется, поддержит ее, но какая от этого польза? Финал все равно окажется жестоким: Генри проигнорирует вердикт понтифика и все равно насильно отправит Селину на плаху, а уже через несколько дней женится на новой королеве.

А он сам — на лице Ци Вэйлена промелькнуло чуждое его возрасту холодное выражение — из наследника престола превратится в бастарда собственной матери.

Да, бастарда. Согласно законам Орлиного королевства, если законный брак матери признавался недействительным, это автоматически означало, что ее дети становились жалкими бастардами. Какой же у него, надо признать, замечательный отец. Незаметно для самого себя Ци Вэйлен уже полностью вжился в роль Норльсена, начав рассуждать с его точки зрения.

Исход оказался именно таким, какого ожидал Амос: религиозный суд признал Селину невиновной и потребовал, чтобы Генри разорвал порочную связь со своей новой пассией — будущей королевой Ульникой.

Генри остался крайне недоволен подобным решением. В ярости он покинул зал суда, оставив позади лишь сломленную, изможденную Селину.

Заметив, что слушание подошло к концу, Амос похлопал Ци Вэйлена по плечу и произнес:

— Пойдем со мной.

С этими словами он вывел Ци Вэйлена из зала суда и привел в уединенную, скрытую от посторонних глаз комнату.

Ци Вэйлен знал, что таково было распоряжение матери, поэтому не стал ничего говорить, а лишь молча опустил на стул, ожидая появления Селины.

Вскоре дверь открылась, и вошла Селина со слезами на глазах. Едва увидев Ци Вэйлена, она инстинктивно бросилась вперед, крепко прижимая его к груди, и ее руки слегка дрожали.

— Матушка, — Ци Вэйлен не шевелился, пропуская через себя все ее горе. — Вы... в порядке?

— Норльсен, мой драгоценный Норльсен, — Селина опустила голову, целуя сына в макушку. — Что же станет с тобой, если меня не станет... Как же ты будешь жить без меня...

— Матушка. — Ци Вэйлен очень хотел найти слова, чтобы утешить Селину, но язык словно онемел. Наотрез отказывался подчиняться. Пусть эта женщина, возможно, уже утратила былую юность, сияние материнской любви делало ее необыкновенно прекрасной. Глядя на ее отчаянный и скорбный облик, Ци Вэйлен почувствовал жгучую, всепоглощающую ненависть к бессердечному королю Генри.

— Мой бедный мальчик... — Селина по-прежнему не выпускала Ци Вэйлена из объятий. — Бог защитит тебя... Умоляю, после моего ухода остерегайся страшной злобы. Ульника — дурная женщина, берегись ее...

— ... — Ци Вэйлен молча обнял Селину в ответ, не произнося ни слова.

— Твой отец не пощадит меня, его разум затуманен демонами, — прошептала Селина. — ...Прости меня, мое сокровище...

— Вы ни в чем не виноваты. — Глаза Ци Вэйлена увлажнились. Ему было невыносимо больно смотреть, как эта женщина, полная столь прекрасных достоинств, шагает навстречу гибели. Но что он мог поделать? Бессильный мальчишка, разве он был способен спасти собственную мать?

— Святой Престол — это сила, которую можно использовать. — Прозорливая Селина уже предчувствовала собственный конец. Муж, с которым она делила ложе, стал ей совершенно чужим; она знала, что он не оставит ей ни единого шанса на выживание. — Но... будь предельно осторожен.

— Это мой последний подарок тебе, — произнесла Селина. Она расстегнула на шее изящное ожерелье тонкой работы, тепло улыбнулась Ци Вэйлену и застегнула украшение на его шее. — Помни: я люблю тебя.

— Я тоже люблю вас. — Это были последние слова, сказанные Ци Вэйленом Селине. Уходя вместе с Амосом, он ловил ее полный тоски и боли взгляд и так хотел остановиться, сказать ей еще хоть что-то, но его тело не подчинялось воле. Он услышал лишь глухой стук захлопнувшейся двери.

Амос проводил его до покоев. Посмотрев на несовершеннолетнего Ци Вэйлена, он с ноткой сочувствия в голосе произнес:

— Если я могу чем-то помочь, пожалуйста, обращайтесь без колебаний.

— ...Благодарю. — Оказавшись вдали от Селины, Ци Вэйлен мгновенно сбросил маску скорби. Посмотрев в напускные честные глаза епископа, он произвел: — Я хочу... присутствовать при казни матери.

— ... — Услышав это, Амос на мгновение опешил, в его глазах мелькнуло удивление, но тут же сменилось хладнокровием. — Хорошо, Ваше Высочество, я заберу вас в назначенный час.

— Спасибо. — Ци Вэйлен кивнул.

После этого Амос удалился, оставив Ци Вэйлена в одиночестве сидеть в тишине спальни. В его голове стоял образ скорбного и застывшего от боли лица Селины.

— ...Повороты истории неизменно поражают воображение, — кончиком гусиного пера выводил китайские иероглифы по пергаменту, Ци Вэйлен водил пером по строчкам. — Кто бы мог подумать, что в этом смертельном противостоянии проиграет столь элегантная королева, а победу одержит бывшая служанка Ульника. Быть может, Генри I просто пресно есть заморские

деликатесы и внезапно захотелось дикой травы с обочины дороги? Впрочем, плоды победы не вечно принадлежат творящим зло. Мы должны помнить: Генри I взял в жены далеко не двух королев.

Убрав исписанный пергамент в железную шкатулку, Ци Вэйлен подумал: для студента исторического факультета воочию наблюдать за всем этим — пожалуй, тоже своего рода счастье? Разумеется, было бы куда лучше, не окажись он при этом Норльсеном.

После того как Папа Римский даровал Селине полное оправдание, отношение Генри к ней испортилось окончательно. Его новая пассия Ульника устроила королю грандиозный скандал из-за такого исхода. Будучи простолюдинкой и служанкой по происхождению, она, разумеется, не обладала элегантностью и самообладанием Селины: она визжала, проклинала Генри и сквозь слезы напоминала о еще не рожденном ребенке под сердцем, заявляя, что ее дитя ни за что не станет бастардом, и пригрозив бросить короля, если тот не примет решительных мер.

Ци Вэйлен не знал точно, насколько буйной была эта истерика Ульниковой особы, но догадаться не составляло труда: даже он, вечно запертый в четырех стенах, порой отчетливо слышал вульгарные вопли этой женщины.

Что ж, в мире всегда найдутся те, чьи вкусы весьма своеобразны. Перелистывая страницы книги, Ци Вэйлен тронул уголки губ ледяной усмешкой. Спасти Селину он был не в силах, но это вовсе не значило, что он обязан смирно и беспристрастно смотреть на женщину, отнявшую жизнь у его матери.

Однако Ци Вэйлену не нравились столь шумные особы, в то время как вкусы Генри шли вразрез с подобными рассуждениями. Видя, как страдает его возлюбленная, король вновь издал указ. Да, он в открытую пренебрег папским судом и заново выдвинул против Селины обвинения, включившие в себя измену, государственную измену и прелюбодеяние. Подобные пункты вызвали бурю негодования у простого народа, который поголовно сочувствовал несчастной королеве. Но что с того? Королем оставался Генри, и пока он жив, никто не способен помешать его безумию.

Узнав эту новость, Ци Вэйлен не вышел из себя — возможно, он уже давно смирился с неизбежным финалом, а потому держался на редкость спокойно.

— Я понял. — Протянув руку, Ци Вэйлен коснулся золотого ожерелья на своей шее и улыбнулся — изысканно и застенчиво. — Благодарю вас.

<http://bllate.org/book/24634/2896554>